

организуем подходящую, — сказал лейтенант Семкин и улыбнулся.

Политрук Полторухин не ошибся. Немцы ждали подхода своих танков, чтобы двинуться в атаку. Наконец танки подошли, и фашисты выступили.

— Идут!—крикнул кто-то,—и сразу же защелкали затворы. Фашистские танки и цепи гитлеровцев с каждой минутой подходили все ближе и ближе, уже отчетливо были видны поганые фашистские кресты на танках. И тогда заговорили наши пулеметы, полетели связки гранат. Танки, заскрежетав гусеницами, повернули в сторону, открыв своих солдат, те заметались и бросились назад...

В это самое время часть, получив приказ об отходе, перешла на другие позиции, но ни командир, ни комиссар роты не получили об этом никаких сообщений,—связной, посланный с приказом в роту был убит.— Таким образом рота осталась одна, лицом к лицу с превосходящими силами противника.

...Уже два часа длился неравный бой между ротой лейтенанта Семкина и фашистскими войсками. Два раза немцы бросались в атаку и два раза откатывались на свои исходные позиции. Ряды фашистов значительно поредели, количество трупов, устлавших лес с каждым часом увеличивалось. Немцы решили, что лобовой удар им не удастся и задумали обход с фланга роты. Получив подкрепление, они обошли фланг и прорвались по дороге вперед. В это время вернулись связные Жужлов и Поляков, посланные тов. Семкиным на командный пункт. Они с трудом пересекли дорогу, находящуюся под усиленным обстрелом немцев, и теперь докладывали что часть, очевидно, получив приказ, отошла на более выгодные позиции.

— Одни среди немцев,—говорил тихо комиссар командир.— Но я верю в людей, верю в нашу с тобой способность вырвать роту из фашистского кольца. Так я говорю, командир?

— Правильно!—И они крепко пожали друг другу руки.

Быстро смеркалось. Ночь все ниже и ниже опускалась над лесом и вдруг упала плашмя на березы, закрыв своим черным плащом небо. Ни звезд, ни луны, только тучи

низко ходили над землей и, гонимые ветром, мчались на юг. Ветер холодный и пронизывающий забирался под шинели и гимнастерки и жалил тела бойцов. Березы, голые и засыпающие на зиму, качались в такт ветру и, казалось, слушали, как комиссар говорил выстроившимся бойцам:

— Помните, товарищи бойцы, что врага надо бить там, где бы он ни показался. Теперь мы находимся в тылу у немцев, поэтому все наши действия должны быть подчинены одной цели:— как можно больше дезорганизовать работу немецкого тыла.— Он посмотрел на своего командира, тот кивнул головой в знак согласия.— А теперь, товарищи,— в путь.

II.

Отходили лесами. Густые подмосковные леса все время служили пристанищем для бойцов. Высокие ветвистые сосны закрывали и прятали их от фашистских самолетов. Лес был другом бойцов, выбивавшихся из вражеского окружения, и одновременно он был страшилищем для немцев:— партизанские отряды, живущие в лесах, держали фашистов в вечном страхе и заставляли бояться леса...

Скрытно подходили к деревне и высылали разведку. Затем, затаив дыхание, ждали результатов. А через некоторое время разведка возвращалась и неизменно докладывала:

— В деревне немцы.

И снова в путь, снова лесами и оврагами, пересекая поля, форсируя реки, шла рота. Одна мысль мучила бойцов,— скорее бы выйти,— одно желание двигало всех,— скорее бы к своим! Без еды, ночуя в холодном лесу на замерзшей земле, бойцы и командиры не отчаивались. Бодрость и отвага, отличительные черты кировцев, никогда не покидали их.

Однажды разведка доложила, что по дороге движется большая обоз немцев. Не ожидая нападения, они спокойно плелись вперед. Бойцы молча слушали донесение разведки и затем сказали:— Засада! — Командир отдал приказ:— На пути следования фашистского обоза организовать засаду и уничтожить его.— Через полчаса бойцы уже рассматривали немецкое оружие, боеприпасы и награбленные фашистами у мирного населения вещи.

— Ну и барахольщики!— Говорили кировцы, глядя на

разнообразные разбойничьи «трофеи», а рядом с возами лежали «барахольщики», сраженные кировцами насмерть.

Бойцы хорошо запомнили слова своего комиссара. Они портили все, что могло пригодиться немцам, уничтожали линии связи, громили обозы.

Проходили уже третьи сутки, а рота все еще не пробилась к своим. В ночь на четвертый день остановились отдыхать в лесу. Несмотря на большую усталость, никто не спал. Шопотом переговаривались бойцы, рассказывая друг другу о своих мечтах. Затем становилось все тише и тише и, наконец, все уснуло. Только часовые ходили вокруг и стерегли сон уставших воинов. С рассветом все поднялись, готовясь к дальнейшему пути. Нужно было разведать дорогу и узнать, есть ли сейчас на ней немцы. За эту задачу взялись мл. лейтенант Кожухар и мл. политрук Пчелинцев. Они вышли из леса и углубились в поле. А в это время на опушку, отделявшую двух командиров от роты, вышло до 50 немецких солдат. Необходимо сообщить об опасности, но как? — Их безусловно заметели бы. Кожухар и Пчелинцев совещались недолго. Плотнo прижимаясь к земле, поползли они к фашистам. Два смельчака решили дать бой пятидесяти фашистам, ставя перед собой цель шумом выстрелов предупредить своих о присутствии врага. Все ближе и ближе приближались смельчаки к врагу и вдруг, совсем неожиданно для фашистов, Кожухар и Пчелинцев открыли огонь. Одна за другой в толпу фашистских солдат полетели гранаты. Немцы растерялись, но затем начали беспорядочно отвечать. Одна из пуль, которые проносились вокруг, попала в ногу Пчелинцева. Дальше вести бой не было смысла. Убив 10 фашистских солдат и одного офицера, уничтожив один танковый пулемет, смельчаки отошли. Задачу, поставленную перед собой, они выполнили, рота была предупреждена об опасности. Кожухар и Пчелинцев не вернулись в роту и только постом, когда бойцы вырвались из окружения, тов. Кожухар рассказал о всем происшедшем и о том, как он на своей спине вытащил товарища и затем отправил его в госпиталь.

Четвертые сутки кончались. Ночью рота форсировала реку Нару и подошла к селению. Кто в нем находится, немцы или наши? — О, если бы наши! — В разведку отправился сам лейтенант Семкин. Вместе с бойцом он вошел в спящее мерт-

вым сном село. Окна домов слепо смотрели на улицу, и только в одном горела лампа. Лейтенант и боец направились туда. Вдруг из-за угла этого дома послышался металлический стук.

— Наверно, хозяйка котелок выбивает, — подумал Семкин. — Узнаю у нее, кто в деревне. Он повернул за угол дома и увидел, что какой-то военный стучит камнем по каске. — Наш или нет? — опять подумал лейтенант и подошел вплотную к военному. Тот обернулся, поднялся и, схватившись за автомат лейтенанта, на ломаном русском языке произнес:

— Русс?.. Офицер?.. Сдавайсь!..

В деревне были немцы!

Немецкий часовой крепко держался за автомат и продолжал угрожать Семкину.

— Русс, сдавайсь!.. Сдавайсь, русс!

Лейтенант Семкин обдумывал план бегства от назойливого солдата. Поднять стрельбу нельзя, а сообщить своим нужно!

Решение пришло неожиданно. Протянув немцу банку, лейтенант сказал:

— Бери, Ганс, масло. Бери.

Солдат отпустил автомат и схватил банку.

— Масло! Гут, зер гут! — Он взглядом позвал Семкина за собой, считая, что тот добровольно сдался в плен, и направился к крыльцу. Семкин последовал за ним.

В это время дверь открылась и из дома, оказавшемся штабом одной немецкой части, вышло несколько офицеров. Не долго думая, Семкин бросил в дом и на крыльцо, где стояли офицеры и докладывавший им солдат, две гранаты. Раздалась взрывы, офицеры и солдат взлетели на воздух! А лейтенант Семкин и красноармеец скрылись в темноте.

Долго ждал комиссар своего боевого товарища и, не дождавшись, решил, что командир погиб. Вместе с ротой, он отошел вправо. Вдруг политрук услышал немецкий разговор и увидел, что на бугре сидят четыре фашиста. Две гранаты — и немцев как не бывало. В темноте рота наткнулась на немецкие окопы.

— Оружие к бою! — скомандовал комиссар и первый двинулся вперед. Под ногами в окопах лежали немцы. В диком страхе они прижимались друг к другу.

Так с гранатами в руках прошли кировцы по всей обороне противника, а на утро бойцы поздравляли друг друга с успешным выходом из вражеского окружения. А еще через два дня политрук Полторухин, сжимая в сильных мужских объятиях лейтенанта Семкина, сказал:

— Дай-ка, я тебя поцелую!

* * *

За образцовое выполнение приказов командования и проявленную при этом отвагу, Военный Совет Западного фронта наградил лейтенанта Семкина и комиссара роты Полторухина орденами Союза ССР.

Старший политрук
В. А ЛЕНИЧЕВ.

Лощина смерти фрицев

Лощина, простиравшаяся к реке и окаймленная со всех сторон стройным московским березовым лесом служила границей между двумя оборонами. По одну сторону, глубоко зарывшись в землю, сидели бойцы-кировцы, по другую немцы. Никогда может быть она и не была бы причиной для рассказа, если бы не случай на ее равнинной местности.

В раннее ноябрьское утро, когда наши бойцы, уставшие от ночного дежурства, укладывались на отдых, немцы открыли ураганный артиллерийский и минометный огонь по переднему краю нашей обороны. — Опять взбесились, — сказал красноармеец Курбатов, подкладывая горстку дров в чугунную печь, установленную в землянке. — Не привыкать нам к вашей «музыке», — продолжал он. — Ежедневно по четыре раза слушаем эту «мелодию».

По обыкновению немцы ежедневно устраивали непродолжительные, но массированные огневые налеты, а после некоторого перерыва повторяли снова. Но на этот раз артиллерия била долго. Вслед за ней полетели трассирующие пули и послышались длинные очереди станковых пулеметов. Немцы шли в наступление.

Бойцов подняли по тревоге. — Отбить атаку и уничтожить пробравшуюся группу, — отдал приказ комбат Кащенко. Немцев подпустили близко. В момент, когда с немецкой стороны был подан сигнал для атаки, со всех мест заговорили на-

ши автоматы. Пытаясь удержаться, фашисты открыли интенсивный, но беспорядочный огонь. Но было уже поздно. На правом фланге по всему лесу разнеслось громкое кировское «ура». Наши бойцы перешли в контратаку. Пулеметчики меняли огневые позиции, автоматчики отрезали путь к отступлению. План, как никогда, удался. Не выдержав натиска, немцы

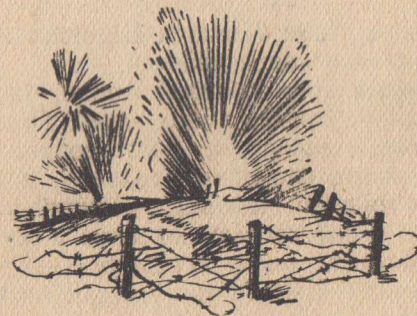
Старший лейтенант Н. А. Кащенко, награжденный орденом Красного Знамени.

начали беспорядочный отход. Но с тыла били по ним автоматчики. Немцев гнали к лощине. Вот здесь и произошло самое страшное, в результате чего лощина получила название «лощины смерти фрицев». Спасаясь бегством, по одиночке и группами, немцы удирали по открытой местности. Их настигали свинцовые очереди пулеметов, меткие выстрелы снайперов Гусейнова, Курбатова и Корпачева, гранаты и мины.

В разгар боя комиссар Козлов, действовавший на левом фланге, заметил, как немцы вытаскивали 3 пушки, пытаясь огнем артиллерии выручить своих солдат, попавших в «мешок». — За Родину, за Сталина, — вперед! — крикнул комиссар и вместе с бойцами бросился на немецкую батарею. Атака была настолько неожиданной, что немцы не успели даже развернуть орудия и вынуждены были также спасаться бегством.

Бой был короткий, но жестокий: 85 трупов немцы оставили в лощине, до трех десятков в лесу, 3 пушки, пулеметы с коробками и пулеметными лентами, винтовки, противогазы и поясные ремни.

Так была отбита охота у немцев к наступлению.

Младший лейтенант
П. СУМАКОВ.

Пуля цель любит

ГЛАЗ МСТИТЕЛЯ

За каждым выстрелом Леонида Ефимова следили бойцы многих частей, многих подразделений.

— Обыкновенный воин Красной Армии, больше всего любящий свою родину, больше всего ненавидящий врага, так он говорил о себе, отвечая на наш вопрос о его работе. Он говорил тихим, спокойным голосом, и перед нами выростал смелый и сильный человек, умеющий ради дела жертвовать не только своей кровью, но даже и жизнью.

Много раз выходил он за передний край обороны и выискивал цели для своей мести врагу, и рос счет мести, счет ненависти и расплаты...

Всю ночь бушевала метель. Ветер зло завывал и с визгом проносился между соснами. Снег хлопьями падал на землю, но ветер подымал его и уносил в другое место.

Утро с трудом пробилось сквозь свинцовые тучи, ветер слегка утих, но продолжал, хотя и с меньшей силой, тянуть свою заунывную песню.

— Да, погода сегодня разгулялась, — говорили бойцы и с удивлением смотрели на собиравшегося куда-то Ефимова.

— Ты куда, Леонид?

— Поохотиться... Здорово люблю выслеживать, а потом накрывать зверя. Ну, пока, ребята, я пойду. — Ефимов вылез

из землянки и, утопая по пояс в снегу, скрылся между соснами.

За спиной осталось боевое охранение, впереди были немцы. Опасность ждала на каждом шагу, каждую минуту могла просвистеть пуля и оборвать жизнь отважного охотника.

Ефимов осторожно шел вперед, все время оглядываясь по сторонам, выискивая удобное и скрытое от противника место для наблюдения. Вот справа большой густой куст, здесь можно хорошо наблюдать, оставаясь невидимым для врага. Хорошо замаскировавшись, Ефимов скрылся за кустом.

Время тянулось медленно и скучно. Холодный ветер рвал шинель, снег заносил ноги, забирался за воротник. Час проходил за часом, а фашистов не было видно. Чтобы рассеять томительную скуку, Ефимов начал вспоминать о своих прошлых вылазках...

На-днях один немец вылез из окопа, чтобы размять ноги и хоть немного согреться. В это время его увидел Ефимов... Покойник был «чистокровным» арийцем... Ефимов улыбнулся:

— Да, «чистокровный», ведь так кричат от страха только «чистокровные» арийцы, зато вторая пуля заткнула фашисту глотку. — Ефимов снова улыбнулся и вспомнил как он снял расчет вражеского пулемета.

Это было тоже несколько дней тому назад. На бугре был установлен немецкий станковый пулемет, который не умолкал с самого утра. Ефимов решил заставить его замолчать. Он подполз близко к бугру и осмотрелся. У пулемета лежал рыжий фашист с крестом на груди, ленты подавал второй фашист, обвязанный не то чулком, не то женским платком. Третий, таскал коробки с лентами. Ефимов выстрелил сначала по фашисту в платке. Тот выпустил ленту и уткнулся носом в снег. За ним уткнулся носом в снег солдат с крестом, третий упал через две минуты. Пулемет замолк...

Ветер не переставал мести снег, было холодно и тоскливо среди этого безлюдного поля. Вдруг Ефимов встрепенулся, — впереди показались три фигуры. Они быстро приближались к снайперу. Ефимов впился глазами в оптический прицел и увидел, что идущая группа состоит из двух офицеров и одного солдата.

Офицеры шли не таясь, во весь рост. Они, очевидно, не ожидали опасности в такой ненастный день и в таком, как

вам казалось, надежном и безопасном месте. Когда группа фашистов приблизилась, — Ефимов сделал три выстрела, пули безошибочно впились в немецких вояк.

И прежней дорогой Ефимов возвратился обратно. Четыре часа, проведенные на холодном снегу не пропали даром — справедливый счет мести увеличился до двадцати.

А завтра эта цифра станет известна всем бойцам, и другой снайпер поползет в сторону немцев, чтобы последовать примеру Ефимова.

ПРАКТИЧЕСКИЙ УРОК

Красноармеец Растопченко все время просил своего командира:

— Товарищ младший лейтенант, научите меня снайперскому делу, хочу стать снайпером.

— Хорошо, — отвечал командир, — вот только день потише выпадет — мы и приступим к учебе.

Но дни стояли грозные и тревожные. Враг, остановленный нашими бойцами, все время бросался вперед и, натываясь на штыки и шквальный огонь, отползал обратно. Целые дни мслотили по лесу вражеские минометы, тараторили пулеметы и автоматы. — Нет, в такие дни было не до учебы.

А Растопченко нервничал:

— Товарищ командир, когда же?..

— Не торопись, скоро немец успокоится, и тогда начнем занятия.

И немец действительно успокоился. Убедившись, что он остановлен надолго и прочно, враг спрятался в землянки и блиндажи. Теперь можно было, пожалуй, и начать.

Рано утром, когда только-только начало рассветать, младший лейтенант Баньковский и красноармеец Растопченко вышли из своих землянок. Командир внимательно прислушался, но лес стоял тихий и безмолвный. Кое-где ухали разрывы мин, и тишина снова водворялась в лесу.

— Ну, пойдем! — сказал командир, и они углубились в лес.

— Первый урок у нас будет о наблюдении. Сейчас мы выйдем за передний край нашей обороны, вы будете вести

наблюдение и указывать мне цели. — Растопченко радостно воскликнул: — Есть!

Командир и боец подползли поближе к обороне немцев, замаскировались и начали ждать. Кругом растилалась широкая снежная равнина. Однообразие ее нарушали кусты, да отдельные березы, которые одиноко стояли там и сям. Казалось, что никто здесь не живет, человеческая нога не ступает, до того все было безжизненно и холодно. Вдруг Растопченко увидел немецкого офицера. Он быстро дал командиру ориентиры и тот произвел выстрел. Офицер, как подкошенный свалился в снег. К нему подбежало еще два офицера. Растопченко еще раз указал ориентиры, снова грянуло два выстрела, и счет убитых увеличился. Теперь уже три фашиста лежали в снегу.

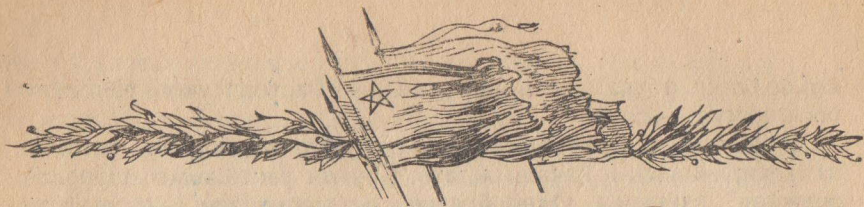
С опаской, по одному, к ним подходили немецкие солдаты, чтобы забрать трупы, но всех их постигла та же участь. Когда немцы оставили попытку вытащить убитых и раненого солдата, лейтенант Баньковский сказал:

— Первый урок окончен. В результате того, что вы, Растопченко, хорошо организовали наблюдение и правильно давали ориентиры, три фашистских офицера и три солдата убиты, а один тяжело ранен. Итак, вам понятно, как надо выбирать цели?

— Понимаю, товарищ командир, и обещаю научиться стрелять так же метко, как стреляете вы.

Теперь уже снежная равнина не казалась такой безжизненной. Под этим белым и холодным снегом скрывались заклятые враги, и Растопченко поклялся уничтожить их как бешеных собак.

Заместитель политрука
Д. АРТЮКОВ.

Трое против тридцати

Это было в предпраздничные дни XXIV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Вшивые немецкие бандиты, перемазанные кровью свободолюбивого народа, несмотря на тысячи потерянных солдат и офицеров со звериным остервенением рвались к Москве. Геббельсовские фанатики разнесли версию о том, что «непобедимая» немецкая армия готовится к параду на Красной площади в Москве. Немецкие генералы хвастливо трубили о том, что они Москву видят в обыкновенные полевые бинокли.

Но это ничуть не пугало мужественных защитников Москвы. Красные воины били немцев всюду, где бы с ними ни встречались. Ярким примером, является случай на линии нашей обороны. Ночью 3 ноября 1941 года младший лейтенант Кротов, младший политрук Захаров и красноармеец Ковалев направились проверять службу боевого охранения своего подразделения. Приблизившись к дозорам, они услышали подозрительный говор. Это была группа немецких солдат численностью в 30 человек. Она прямо двигалась на нашу оборону.

— Дать бой до сближения с обороной, — решил младший лейтенант Кротов. Под покровом ночи три смельчака бесшумно выдвинулись вперед. Когда от немцев их разделяла дис-

танция в 20 метров, залпом грянули три очереди советских автоматов. Немцы шарахнулись в разные стороны.

— За Родину! — крикнул Кротов.

— За Сталина! — произнес Захаров.

— За нашу Москву! — добавил Ковалев, и в стан фашистов полетели гранаты. Раздались оглушительные взрывы, за ними послышался стон раненых. Побросав оружие, немцы позорно убежали с поля боя. На месте сражения осталось семь немецких трупов, один миномет, десять винтовок и боеприпасы.

Три храбреца теперь любовались своим успехом. Красноармеец Ковалев, забрав несколько винтовок и взглядываясь на трупы фашистов сердито сказал: «Эх вы, вшивое всинство. О Московском параде мечтали. Не видать вам Москвы, как звинье неба». Он плюнул в сторону, негромко выругался и с трофеями направился в свое подразделение.

Старший лейтенант
С. ЧЕРЕНКОВ.

Ночной налет

Когда политрук вошел в землянку, бойцы читали газету. Свежий номер «Правды» лежал у них на коленях. Плотнo прижавшись друг к другу, они внимательно следили за каждым словом сержанта Евтушенко. Он читал доклад товарища Сталина, произнесенный им на торжественном заседании, посвященном XXIV годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции.

Сидевший у входа в землянку красноармеец заметил политрука и хотел подать команду, но политрук знаком приказал не прерывать чтения. Сержант Евтушенко громким голосом читал:

«Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получают.

Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей родины в качестве ее оккупантов.» «Правильно!» — продолжал читать сержант.

— Правильно! — почти хором ответили красноармейцы. В углу выпрямилась плотная фигура ефрейтора Дегтяря. В прошлом Александр не был разговорчив. Все события жизни он понимал и в соответствии с этим выполнял свой долг, проявляя при этом отнюдь не скромную инициативу. Он счи-

тал, что лучше сперва сделать, а потом уж немного и поговорить. Но сегодня ефрейтор был неузнаваем. Он поднял руку, как бы желая призвать к порядку, хотя никто в землянке не шумел, а все внимательно уже следили за Александром.

Ефрейтор А. А. Дегтярь, награжденный медалью «За отвагу».

— Ребята, — начал Дегтярь. — Здесь очень хорошо сказано. Давайте еще раз прочтем. — Бойцы согласились. Когда Евтушенко снова прочел это место, Дегтярь убежденно сказал. — Хорошо сказано. Не жить поганой немчуре на советской земле. Вот только бы попался мне в руки хотя бы один рыжий шакал, я бы из него выколотил «арийскую доблесть». — Бойцы весело рассмеялись.

— Как раз предстоит такая работа, — неожиданно для присутствующих произнес Буров. Бойцы оглянулись и, поприветствовав политрука, пригласили сесть. — Какое задание сегодня выполняем? — спросили бойцы у политрука. Буров ответил не сразу. Он взял у сержанта газету и продолжил чтение. Когда доклад был весь прочитан, Буров сказал: — А теперь поговорим о задаче. Командование части приказало нашему отряду завтра в ночь произвести разведку переднего края немецкой обороны. Надо учитывать, что немцы здесь организовали усиленное наблюдение. Быть осторожным, это необходимо каждому разведчику. Но мы должны теперь лучше знать свои задачи. Они очень четко сформулированы в докладе товарища Сталина. До тех пор, пока поработители будут на нашей земле, разоряя наши села и города, мы будем их истреблять. Это закон войны, к тому же наша священная месть за поругание нашей чести и свободы, зовет нас на честное выполнение своего долга перед Родиной. Враг готовит новое наступление, а мы должны дезорганизовать его силы, подорвать и обескровить его резервы.

Бойцы хорошо поняли своего политрука. И хотя предстоящая разведка была далеко не первой, они больше обычного обдумывали свои планы. Весь следующий день велось наблюдение за противником. За это время удалось обнаружить несколько огневых точек и выследить пути подхода к немецкой обороне.

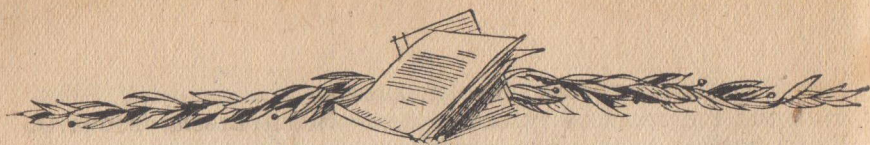
Ночью разведчики выступили. Искусно маскируясь и используя складки местности, бойцы миновали немецкие дневные посты наблюдения и достигнув ручья остановились. Отсюда хорошо были видны высоты и находящиеся на них «огневые точки». В ста метрах от ручья на высоте был замечен станковый пулемет. На посту, прижавшись друг к другу, стояли два фашистских молодчика и громко кашляли. Командир группы принял решение: выдвинуть в тыл этой огневой точке несколько бойцов и уничтожить ее. Ефрейтор Дегтярь и трое красноармейцев ползком продвигались к пулемету. На пути они заметили окоп и залегли. — Будем ждать сигнала, — прошептал ефрейтор рядом лежащему красноармейцу.

В это время с опушки леса, через огневую точку, прыгнувшись, шли три немецких солдата, взяв направление прямо к ручью. За плечами у них были винтовки, а в руках котел-

ки. — Напиться захотели, тихо прошептал красноармеец. Угостим мы вас горячим тульским чаем. — Бойцы взвели автоматы. Когда немцы подошли к отряду на близкое расстояние, ефрейтор Подобедов отрывисто произнес по-немецки: — Хальт! От неожиданного окрика солдаты выпрямились. Теперь они отчетливо видели перед собой наших бойцов. Перепуганным, нечеловеческим голосом заорали трое немцев. Котелки выпали из их рук и, звеня, покатались в воду. Бойцы бросились навстречу, желая захватить живьем одного из фашистов. Но немцы так быстро повернули обратно, что только пуля могла остановить их бегство. Сержант Евтушенко дал очередь из автомата. Два молодчика упали замертво. Стрельба подняла тревогу. Теперь посыпались пули с многих сторон. Одна за другой открывались огневые точки. Подошла очередь и для группы Дегтяря. Ефрейтор с тыла вскочил в немецкий окоп и ударил солдата по голове. Немец крикнул и прижался к земле. Дегтярь теперь руками вцепился в горло фашиста и начал его душить. «Чистокровный» ариец захрипел и рухнулся на землю. Третий фашист был уничтожен. По станковому пулемету дали две очереди, а затем бросили гранаты. Пулемет замолчал, только в окопах, прилегавших к огневой точке, поднялся стон раненых. Туда забросил гранаты сержант Евтушенко.

Немцы приняли небольшую группу разведчиков за крупные силы и пустили в ход все огневые средства. Этого и требовалось для разведки. Изучив систему огня, разведчики отошли. На пути был ранен ефрейтор Дегтярь. Сделав ему перевязку, бойцы пробивались к своим. Однако немцам не хотелось упустить красноармейцев. На пути им организовали засаду. Но и это не помогло. Ефрейтор Оленик один со своим автоматом вступил в бой с засадой и, уничтожив троих солдат, пробил тушь к своей обороне. Так закончился смелый ночной налет на немецкую оборону.

Младший политрук
М. ШПИЦБЕРГ.

Юбилей в бою

Этот юбилей мы справляли не в банкетных или концертных залах, а в тесных землянках, не под гром оркестров и гвор скрипок, а под гром орудий и говор пулеметов.

Лучшие люди подразделения капитана Матвеева сходились в небольшую, но вместительную землянку. Они приходили из боевого охранения, от пулеметов, из разведки. Снайперы, пулеметчики, представители группы истребителей, минометчиков, разведчики,— все собирались сюда, чтобы отметить радостный день.

Где-то недалеко ухали пушки, нервно стрекотали пулеметы, рвались изредка мины. День уже клонился к концу, но немцы продолжали вести обстрел наших позиций. Шум разрывов, не умолкающий целый день, продолжал и сейчас раздаваться каждую минуту.

Под гром очередного взрыва комиссар подразделения старший политрук Бодриков начал свой доклад. Он говорил сжато, коротко и просто формулировал свои мысли, и перед глазами бойцов и командиров вставали шумные и людные улицы советской столицы, древние стены Кремля и образ любимого человека, который привел народы в социалистическое общество, дал им великую Конституцию и теперь, когда лютый враг захотел растоптать все завоевания народа, ведет к победе над врагом.

Но вот доклад окончен. В каком-то необъяснимом порыве

один за другим начали подыматься люди и говорить о своей безграничной любви к родине, к партии, к любимому Сталину, создателю Конституции. Все говорили горячо, страстно.

Подымается со своего места снайпер Леонид Ефимов. Он заверяет всех, что не пожалеет своей жизни для уничтожения кровавых оккупантов. «Пока я стреляю по одиночным целям, но если фашисты подымутся снова, я буду ложить их пачками. За мою спиною Москва,— столица любимой родины,— оборонять такую столицу большое доверие и честь для каждого из нас.»— Слова отважного снайпера покрываются дружными аплодисментами. За Ефимовым подымается Перенцов.— Сталинская Конституция,— говорит он,— дала всем нам право на труд, на отдых, на образование, и если немецкие фашисты посягают на это, то каждый из нас имеет право уничтожать их беспощадно». За Перенцовым встает Есиков, лучший оружейный мастер части, Крюков и др. И в каждом выступлении сквозит твердая решимость биться насмерть, но не пропустить немцев.— Фашисты найдут свою могилу под Москвой,— говорили все.

После торжественного собрания началась самодеятельность. Появилась гармонь, взвилась песня. Она свободно и легко вырвалась из землянки и понеслась по лесу. И бойцам, услышавшим эту песню, стало радостно и приятно, глаза у них загорелись как звезды, и они еще крепче сжали винтовки в своих руках, еще зорче впились глазами в даль.

А в землянке уже плясали. Пляска сменялась песней, а та снова пляской.

Было уже поздно, когда бойцы начали расходиться по своим местам. В ночном воздухе повисла песнь о Москве, любимой и непобедимой.

— Страна моя, Москва моя,
Ты самая любимая.

Это был радостный и незабываемый вечер на переднем крае обороны, посвященный Дню Сталинской Конституции.

Младший политрук
Н. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.

На линии связи

Трое связистов — Богомолов, Теренин и Вертков — тянули связь от командного пункта части к подразделениям. Шли они лесом, по извилистым, еле приметным на снегу тропинкам. Сосны, задумчивые и холодные, смотрели на них, морозный ветер покачивал деревья, сбивал с веток хлопья снега и бросал их в лица связистам. Тишина, глубокая и бездонная, распласталась над лесом. Ни звука, ни шороха, только мерно поскрипывал снег под ногами, да Вертков тихо мурлыкал под нос:

— Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля...

И вдруг, совсем недалеко, грянул выстрел. Все трое в недоумении остановились.

— Наверно наши балуются, — тихо произнес Теренин, — постреливают в белый свет как в копеечку.

Раздалось еще два выстрела, но уже с другой стороны. Пули просвистели над самой головой. Связисты залегли.

— Да, — произнес Вертков, — если бы здесь хоть поблизости были наши, совсем другая песня получилась бы.

Теперь уже стреляли с трех сторон. Пули проносились низко над землей, почти задевая снег. Младший лейтенант Богомолов о чем-то сосредоточенно думал.

— Окружают, — проговорил он, — это ясно, как телефонный разговор. Нужно что-нибудь предпринимать, пока

имеется хоть одна дырка, через которую можно выйти. Слушайте, Теренин, тяните, все имущество вон туда на поляну, — он указал рукой, куда именно, — а мы с Вертковым постреляем. Да, протелефонируйте сейчас же о случившемся на командный пункт.

Богомолов и Вертков открыли огонь по немцам, а Теренин протелефонировал командованию, отключился и начал выносить имущество из под огня.

С одной стороны выстрелы прекратились. — С этими, покончено. Очевидно, там немецкие солдаты устанавливают радиосвязь с богом, чтобы заказать билеты в рай, — пошутил Богомолов.

Подполз Теренин и доложил, что все имущество находится уже на поляне.

— Хорошо, товарищ Теренин. Теперь стреляйте вон в те кусты, а мы с Вертковым выползем. Затем мы откроем огонь, — вы поползете, — сказал Богомолов бойцу.

— Понимаю, — ответил Теренин, открывая огонь. Через полчаса все были уже на поляне. Опасность миновала.

— А теперь, товарищи, нужно окончить то, что мы не успели сделать раньше. Связь с подразделениями необходимо обеспечить. И они опять потянули кабель по лесу. Выстрелы прекратились, и тишина снова воцарилась в стройном сосновом лесу. Только мерно поскрипывал снег под ногами, да все трое тихо мурлыкали под нос:

— Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля...

Батальонный комиссар
И. КОЗЛОВ.

Честь кировца

Все трое начали службу красноармейцами, все трое прошли боевую школу учебы в части и воспитались на славных ее боевых традициях. Когда вспоминаешь о них, нельзя забыть о десятках мужественных кировцев, так умело и достойно прославивших силу Красной Армии. Командир роты лейтенант Маркин, командир взвода младший лейтенант Голда и командир отделения красноармеец Пистрий — полностью выразили в своем лице образ отважного воина, выросшего в нашей части.

Отечественная война Петра Маркина застала командиром отделения. Он был сержантом. Всегда жизнерадостный, общительный с красноармейцами, он пользовался у них любовью и уважением. Они любили его за твердый характер, за расторопность. Требуя от подчиненных безукоризненного повиновения законам военной службы, Петр Маркин вместе с тем был самым близким товарищем. А в бою он был неутомим. Отделение сержанта Маркина уже в первых схватках с врагом приобрело известность, а сам командир общую славу. В боевых эпизодах на фронтах отечественной войны, красноармейцы часто находили образ своего сержанта. — «Так бы сделал наш командир», — говорили они. И вскоре он сделал больше, чем они предполагали.

Однажды, когда Маркин был уже командиром взвода, подразделению поставили задачу: разведать боем передний край немецкой обороны. Маркин собрал красноармейцев. — Помните товарищи, — сказал он. — В бою равняться по передним. В нашей среде не должно быть трусов, каким бы трудным бой ни был. — Глаза сержанта загорелись пламенем. — Нет в

Батальонный комиссар И. В. Козлов,
награжденный орденом Красной Звезды.

том бойце воинской чести и нашей кировской славы, кто себя не проявит мужественным. Красноармейцы переглянулись друг с другом и оставались в недоумении: почему вдруг Маркин, тот самый, который знал своих подчиненных как себя, вздумал перед боем читать им такую сильную мораль. — Сегодня вместе с нами, — продолжал Маркин, — в бою

участвуют новые красноармейцы. И я хочу и требую, чтобы они были достойными бойцами кировской части. В бою за жестокость к врагу нас не обвинят, но никогда не простят за бездействие.

Теперь было все ясно. Чувствуя, что командир сильно озабочен предстоящим боем, боевой друг и постоянный заместитель Маркина, сержант Осинкин попросил слова.—Братва,— сказал он.— Я так думаю. Коль говорит наш командир, значит дело. Поклянемся гордым именем кировцев, что сегодня разобьем немца.— Правильно,— послышались голоса красноармейцев, сидящих в тесной землянке. ...Маркин успокоился. Он сидел теперь в кругу и чувствовал себя старшим товарищем.

Под утро выступили. Когда подошли к немецким блиндажам на 150 метров, Маркин остановил бойцов. Оценив обстановку, он решил действовать внезапно. Ползли еще 50 метров. А когда взвилась ракета, бойцы вихрем врываются в немецкую оборону. Первые блиндажи были взяты сходу. Это сильно обеспокоило немцев. В ярости, они открыли ураганный огонь, выявляя всю систему своей обороны.— Коль выявили себя, будем вас беспощадно уничтожать,— подумал Маркин. В окопы и блиндажи полетели гранаты, пошли в ход штыки и приклады. Здесь особую смелость проявил сам командир. Израсходовав свои боеприпасы, Маркин забрал их у раненых. За этот бой, один только Маркин бросил 21 гранату, уничтожил несколько пулеметных гнезд, более двух десятков солдат и офицеров. Он забывал о себе. Охваченный ненавистью к врагу, командир рвался вперед. По заметной его плотной фигуре, перебегающей с фланга на фланг, непрерывно палили немцы. Но Маркин был неуязвим. В одном окопе немцы подняли руки: «Русь, сдаюсь»,— лепетали они. Поздно вздумали, гады.— Прикладом настмашь одному Маркин расколол череп, двух других пронзил очередью автомата его друг Осинкин.

От командира не отставали бойцы. Они следовали его примеру. Красноармеец Пистрий хорошо помнил слова: равняться по передним. Когда заговорил немецкий пулемет, Пистрий улегся за свой пулемет. Он один вел борьбу с тремя вражескими и вышел победителем. Все три огневые точки были уничтожены. Бойцы снова рванулись вперед. В это время Пистрий узнал, что командир отделения Головенков, выбыл

из строя. Пистрий не задумываясь принял на себя командование. В последующих атаках отделение под его командованием уничтожило немецкую пушку и истребило 30 фашистов.

Слово, данное перед боем, бойцы сдержали. Маркин стал теперь командиром роты. Попрежнему, его заместителем был сержант Осинкин. Шли дни. Бойцы, впервые побывавшие с

Лейтенант Петр Маркин ведет огонь по фашистам.

Маркиным в бою увидели в нем настоящего героя. Да и сам Маркин основательно познал новичков. Так родилась кровная дружба бойцов со своим командиром.

Вскоре обстановка на фронте изменилась. Части Красной Армии перешли от обороны к наступлению. С новой силой в бой ринулись и наши кировцы. Ломая узлы сопротивления, они теснили врага на запад. Роте Маркина поставили ответственную задачу. Вместе с другими подразделениями вор-

таться в укрепленный немцами узел и обеспечить наступление всей части.

Немцы занимали выгодный рубеж обороны. На подступах к переднему краю они пристреляли каждый метр местности, многие участки заминировали, а в промежутках установили пулеметы кинжального действия. Подход к обороне лежал через снеговую равнину. Обо всем этом было известно Маркину, знали об этом и его бойцы. Их не пугали трудности и даже сама смерть, их мучала забота о выполнении поставленной задачи. По пояс в снегу двигались бойцы на сближение с немцами. Несмотря на большой мороз на лицах красноармейцев выступал пот. Вскоре их обнаружили немецкие наблюдатели. Минометным огнем и артиллерией хотели они сломить боевой дух кировцев. Но тщетно! После невероятных усилий, пройдя огневые заслоны и завесы, Маркин с небольшой группой бойцов приблизился к немецким блиндажам. Неожиданно он покачнулся. Вражеская пуля обожгла тело. Находившийся рядом красноармеец спешил на помощь своему командиру.

— Не говорите, что я ранен, — решительно предупредил Маркин. — Вперед! — прозвучал его голос и — он первым рванулся к блиндажу. За Маркиным последовали семь бойцов. Начался неравный бой. Немцы упорно сопротивлялись, стараясь уничтожить прорвавшуюся группу. — Держаться до последнего, не отходить, — приказал Маркин. Один за другим выбывали из строя красноармейцы. Все семь во главе с командиром были ранены. Маркин подполз к пулеметчику. Изнемогая от боли, боец расстреливал незаконченный диск.

— Сменить номера, приказал командир. Он снял автомат, передал его пулеметчику, а сам улегся за пулемет. — По фашистским извергам, огонь! — Все семь раненых ответили залпом. Пулемет поливал непрерывно. Тучей свинца он затыкал глотку немецким огневым точкам и давал возможность накапливать силы наступающим подразделениям. Вдруг кончились патроны, Маркин пустил в ход гранаты.

В это время вражеская пуля пронзила сердце героя. Тело убитого командира принес дважды раненый сержант Василенко. Из-под шапки-ушанки его выступали капли крови, просачившиеся через бинт, а ресницы глаз, покрытые белым инеем смачивались выступавшей слезой. — Товарищ ко-

миссар, жалко мне лейтенанта, — говорил дрожащим голосом Василенко. Он подошел к Маркину, крепко поцеловал его в губы и сказал: «Клянусь, товарищ лейтенант, пока я в руках способен держать автомат, буду биться с фашистскими гадами». Через полчаса он был снова в бою и только после третьего ранения, силою приказа был отправлен в госпиталь.

Интересна и богата боевым содержанием жизнь младшего лейтенанта товарища Голды. Боевая обстановка его застала младшим сержантом. Голда с первых дней службы в армии пристрастился к пулемету. Уже будучи командиром, он не может расстаться с «Максимом». Такая боевая дружба родилась не зря. Когда в бою у местечка О. выбыл из строя командир взвода, его место заменил младший сержант Голда. Тридцать шесть часов взвод держал оборону, отбивая бесчисленные атаки немцев. Враг не прошел. Приказ был полностью выполнен.

В бою под Бухаловкой Голда выдержал ураганный огонь вражеских пулеметов. Когда появилась угроза прорыва обороны, командир взвода сам лег за станковый пулемет и поливал свинцом наступающие части немецкой пехоты. Пять раз немцы поднимались в атаку и пять раз откатывались назад. В бессилой злобе они хотели теперь уничтожить пулемет гранатами. Однако и этот маневр не принес успеха. Меняя огневые позиции, Голда по-прежнему истреблял цепи фашистов. Взвод изрядных воjak и два офицера с железными крестами пали жертвой от метких очередей пулемета.

Способности командира быстро оценили. Его назначили командиром взвода станковых пулеметов. Не было конца этой радости. Теперь Голда мог по выбору стрелять из любого пулемета. И он это делал. Прежде чем пустить бойца в бой, Голда своими руками проверял боевые качества «Максима». Вскоре Голда подал заявление с просьбой принять его кандидатом в члены ВКП(б). Там он писал: «Прошу партийную организацию, принять меня кандидатом в члены ВКП(б), так как в бой хочу идти коммунистом. Заверяю партийную организацию, что буду бить фашистов до последней капли крови. Великое звание коммуниста делом оправдаю в бою».

На второй день Голда уже коммунистом повел своих пулеметчиков на разгром врага. Ливнем свинца скашивали пулеметчики все живое встречающееся на пути. А когда

немцы ответили массированным огнем. Голда снова сам залег за пулемет. Вражеская пуля впиалась в ногу командира. — Это ерунда, — сказал Голда. Он отстегнул ремешок от рукоятки пистолета, туго перевязал ногу выше раны и плотно прилег к пулемету. Двойной силой ненависти он обрушился на фашистов. Одна за другой три вражеских точки захлебнулись от метких очередей командира. Вторая пуля упала в руку. Голда бессилён был больше вести огонь. Выходя из боя, он дал твердый наказ: берегите пулеметы лучше своей жизни, любите их, как родных братьев.

Батальонный комиссар
Н. РОДИОНОВ.

Большевики-кировцы

ДЕНЬ СЕКРЕТАРЯ ПАРТБЮРО

21 января секретарь партийного бюро, старший политрук Василий Старых находился во взводе, которому была поставлена задача удержать деревню Глинки и противодействовать противнику, стремящемуся вырваться из окружения и пробиться на Варшавское шоссе.

Противник скопился в деревнях Доманово и Клинково, и намеривался двинуться на Глинки. Необходимо было принять срочные меры, чтобы помешать ему выполнить задуманный план, и старший политрук Старых решил атаковать его в деревне Доманово, тем более, что в его распоряжении находилась пушка.

— Мы будем противодействовать немцам, уничтожая их живую силу. Это явится наибольшим тормозом врагу. Теряя солдат и офицеров, враг не сможет овладеть деревней Глинки. — Так говорил Василий Старых, ставя задачу своим бойцам.

21 января, 8 часов утра.

Изумительное утро. Солнце такое яркое и праздничное, будто нет никакой войны, и люди занимаются только мирным трудом. Крепкий мороз пощипывает тело и бодрит кровь. Немая тишина пропитала всю толщу воздуха. И в это время раздался первый выстрел из нашего орудия.

Это расчет старшего сержанта Климовича открыл огонь

по деревне Доманово. Старший политрук Старых стоит у орудия, проверяет расчеты и данные для стрельбы и следит в бинокль за разрывами снарядов.

8 часов 30 минут.

Артиллерийский огонь закончился. Снаряды все. Комиссар Старых поднял взвод в атаку и ринулся вперед.

Секретарь партийного бюро, старший политрук
В. М. Старых, награжденный орденом Красного Знамени.

Над головами свистели вражеские пули, разрывы мин быстро следовали друг за другом. Бежать и ползти было трудно, — мешал снег, но впереди виднелись дома деревни и это придавало силы.

Деревня уже близко, — в нескольких десятках метров. Еще одно усилие — и бойцы овладеют ею. Старых поднял всех криком:

— За Родину, за Сталина, кировцы, вперед! — и первый побежал к домам. За ним быстро последовали остальные.

Часть деревни оказалась в руках у кировцев. В остальной части находились немцы. Их было в несколько раз больше, чем нас, и Старых понял, что если немцы подымутся в контратаку, — придется отойти. Немцев слишком много, кировцев слишком мало!

17 часов.

Предположения старшего политрука оправдались полностью.

Немцы начали контратаковать, идя из деревень Доманово и Клинково. Пролить кровь попусту было незачем, необходимо отойти. Кировцы, соблюдая порядок и дисциплину, вышли из деревни и во время движения вели огонь по фашистам. Несколько из них, около десятка, упали замертво.

— И то польза, — сказал Старых и снова выстрелил в немцев.

18 часов.

Отшли в деревню Глинки. Немцы немного успокоились, но было ясно, что они собираются продолжать наступление — деревня была им очень нужна. Только здесь они смогли бы пробиться к основным своим силам.

— Деревню ни за что не отдадим, — сказал Старых. Кто-то подхватил: — Иначе мы не будем кировцами!

20 часов.

Привезли ужин. Все жадно набросились на еду — целый день не ели. Старых вместе с бойцами принялся за вкусные щи. После ужина долго обсуждали происшествя дня, вспоминали все подробности предпринятой утром атаки.

— Ведь нас утром было не больше двадцати человек, а в деревню мы все-таки ворвались, — сказал боец, вытирая ложку, и пряча ее за валенок.

— Интересно, как бы такую же операцию провели немцы? — спросил кто-то.

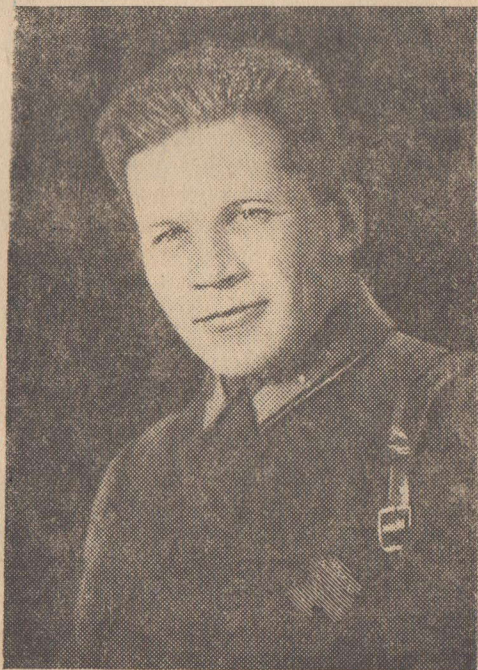
— А вы сегодня ночью посмотрите, — ответил Старых. — Нужно быть готовым к отражению атаки немцев.

Старых указал каждому бойцу место и секторы обстрела.

Приказав бойцам тщательнее организовать наблюдение, Старых вернулся в дом, где отдыхали свободные бойцы.

22 часа.

Весь дом спал мертвым сном. Старых дремал, то и дело просыпаясь и прислушиваясь к разрывам снарядов. Разрывы учащались с каждой минутой. Огненный вал их приближался

Секретарь партийной комиссии, батальонный комиссар
Н. Б. Родионов, награжденный орденом Красной Звезды.

все ближе и ближе, и казалось, что они скоро накроют дом с отдыхающими в нем бойцами. Старых вышел на улицу и прислушался, а затем спросил у часового:—Что-нибудь произошло? Как немцы ведут себя?—Спокойно, товарищ комиссар, вот только артиллерия постреливает.

— Ясно,— произнес про себя Старых и поднял глаза к небу. Ночь стояла звездная и морозная. Луна отражала солнечный свет на снег, и он искрился и блестел, как будто вместо снежинок по окрестностям были рассыпаны алмазы. Мороз крепчал с каждой минутой. Старых проверил посты, еще раз прошелся по созданной им линии обороны, возвратился в дом и снова улегся отдыхать.

Время быстро двигало стрелки часов. Минутная стрелка все ближе подбиралась к часовой, и вот они обе слились вместе.

24 часа.

В дом вбежал часовой и впопыхах доложил:

— Товарищ комиссар! Группа людей, в количестве до 30 человек, движется к дому. Наши это или нет, определить трудно — все в белых халатах, но идут они со стороны Зеленого Холма.

Старых выбежал на порог дома. Он догадывался, что это немцы, но нужно было проверить. Группа была уже близко, не далее 40 метров. До слуха Старых донесся голос немецкого офицера. Теперь стало все ясно. Старых выхватил пистолет и произвел выстрел. Один из солдат упал. Часовой дал короткую очередь из автомата — упало еще двое, остальные попрятались за сарай.

Комиссар Старых поднял спящих, все быстро вскакивали и выходили на улицу.

В распоряжении Старыха было только двенадцать человек; вооружение:—десять пистолетов, три автомата, две винтовки и пушка, временно вышедшая из строя.

— Маловато, прошептал Старых,— маловато.

0 часов 30 минут.

Старых хотел сообщить в штаб о создавшемся положении, но связь уже была прервана. Тогда он послал двух бойцов с донесением, сказав им, что необходимо прорваться любой ценой, но пакет доставить. Бойцы скрылись в темноте.

Немцы начали подбрасывать к остановленной группе подкрепление. За сараем без умолку строчил вражеский пулемет, но пули не достигали своей цели и проносились над головами. Теперь немцев было более восьмидесяти, кировцев в десять раз меньше.

Темную громаду воздуха прорезали трассирующие пули и снаряды, они врывались в дома и поджигали их.

Положение с каждой минутой становилось все более серьезным. Немцы наступали из деревень Доманово и Клинково на единственную дорогу, соединяющую кировцев со штабом части, пробрались немецкие автоматчики и обстреливали всех, кто пытался пройти по ней. Необходимо было принимать быстрые и эффективные меры.

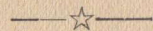
2 часа ночи.

Старший политрук Василий Старых, рискуя на каждом шагу быть убитым, пробирался к пушке. План был смел и по-кировски дерзок. Старых хотел выкатить пушку на сто пятьдесят метров и прямой наводкой расстрелять немцев, засевших в домах.

С большими трудностями пробирался комиссар вперед. Вот, наконец, окраина деревни и пушка. Возле нее возился расчет сержанта Климовича. Старых отдал команду, расчет впрягся в пушку и потащил ее вслед за идущим впереди старшим политруком. Воспользовавшись большими клубами дыма, которые подымались от горящих домов, пушку благополучно установили в ста пятидесяти метрах от немцев. Сержант Климович открыл огонь. Фашисты в панике начали выскакивать из домов, но здесь их настигал огнем своего ручного пулемета санинструктор Григорьев. Бой продолжался еще целый час, пока фашисты не были частью уничтожены, а частью отогнаны далеко от деревни. В этом бою фашисты потеряли 26 солдат и одного офицера.

3 часа ночи.

Деревня очищена. Бой закончился победой двенадцати кировцев против восьмидесяти фашистов. Исход боя решило не только мужественное и стойкое сопротивление кировцев, но умелое и инициативное командование старшего политрука Старых.

МАКСИМ ЛУКЬЯНЧУК

В светлой памяти доблестных защитников Москвы ярким примером героя встает образ военного врача — коммуниста Максима Лукьянчука. Этот замечательный человек родил-

ся в первый год советской власти. Он не видел жандарма с резиновой дубинкой, не был под розгами царских палачей, не гнул спину перед сельским старостой, не получал плевки в лицо от пьяного полицейского. Но он хорошо знал историю прошлого. Много ему рассказал об этом его отец, еще больше он услышал в школе.

Максим вырос и воспитался в советской семье. Родина вырастила его мужественным, обогатила медицинскими и всенными знаниями. Партия и комсомол воспитали в нем любовь к своему народу и жгучую ненависть к врагам. Вот почему близкий нам, как родной брат, Максим Лукьянчук был до конца своей жизни героем отечественной войны.

..На подступах к деревне Воробьи подразделение тов. Океанова вело ожесточенный бой с врагом. Среди бойцов, в самой гуще их, находился военный врач Максим Лукьянчук. Появились первые раненые. Максим горел на работе. Одним он на месте оказывал медицинскую помощь, других на себе выносил из-под огня, отправляя в тыл. Максим был всюду, где слышал сигнал о помощи.

Под свистом пуль и снарядов Максим часто ходил во весь рост. Ему некогда было прижиматься к земле потому, что спешить надо было сразу в несколько мест.

Во время сильного напора немцев, Максиму пулей сбило шапку.— Доктор, вы ранены?— спросил красноармеец Иванюк.— Ерунда, меня пули боятся,— хладнокровно ответил врач. Однако, осколком мины в этом бою Лукьянчук был ранен. Он не ушел с поля боя и до конца оставался в строю. Когда вглубь обороны вклинился немецкий танк, Максим делал перевязку раненому красноармейцу. Танк вел артиллерийский и пулеметный огонь, а Максим хладнокровно довел до конца начатую работу.

Через два дня подразделение снова вело ожесточенный бой. И снова среди бойцов был их любимец Максим. Он никогда не был грустным. Бодрый вид и теплый взгляд его, окрылял красноармейцев. Когда один из них хотел спросить, почему у врача забинтована кисть, Максим поспешно надел перчатку. Ему не хотелось думать, что он ранен, не хотел он и бойцам напоминать об этом. Но когда разгорался бой, Максим снова забывал о себе. Он появлялся на передовой линии боев, бывал в ближнем тылу, следил за работой своих подчиненных. Во втором бою Максим был два раза ранен. Во мно-

гих местах у него пулями была изрешечена шинель, пробита коробка противогаза, очередью срезана кабура пистолета. А Максим и после третьего ранения оставался в строю.

Бой затихал. Немцы, понеся большие потери, отступили. Максим проверял, не остался ли кто из раненых не вынесенным в тыл. Нет. Все до единого с их оружием своевременно перевязаны и отправлены в госпиталь. Все они будут жить и снова беспощадно громить немецких захватчиков.

И вот в этот самый момент осколком мины, в четвертый раз был ранен Максим Лукьянчук. Ранение было смертельным. До последней минуты Максим говорил о Родине, о великих и благородных чувствах любви к ней, о беспощадной мести врагу.

Угасла молодая, полная энергии жизнь славного воина. Тяжела утрата. Над свежей могилой его поклялись мы отомстить фашистским извергам. И мы отомстили им жестоко. Москва, за которую отдал жизнь Максим Лукьянчук, выстояла.

А памятник нашему герою-большевику мы воздвигнем в окончательном разгроме немецкого фашизма.

Ф. МЕЧЕТНЕР.

Билет комиссара

*Вот он лежит, осиротелый,
Засохшей крови яркий след
В углу, где пуля рвалась в тело —
Партийный маленький билет.*

*Под ним недавно сердце билось,
Кипела кровь и мозг горел,
Но сердце вдруг остачовилось —
И партбилет осиротел...*

*Они всегда сражались вместе,
Прошли путь славных дел, побед,
И в каждом слове, в каждой песне
Был с комиссаром партбилет.*

*И в день, когда поднялись роты,
Чтоб нанести врагу удар,
Свести с ним правой мести счеты,
Их вел военный комиссар.*

*Кругом рвалися гудко мины
Свинцовый ливень бушевал,
По снегом устланной равнине
Катился смертоносный вал,*

Снега вздымались как фонтаны,
Валились сосны с крепких ног...
Бойцы свои скрывали раны,
Чтоб комиссар прогнать не мог

А он шагал и пред собою
Лишь видел подлый лик врага,
И так вот, с поднятой рукою
Свалился комиссар в снега.

В одной руке его—граната,
В другой—холодный пистолет..
Лежит с кровавою заплатой
Осиротелый партбилет.

А впереди идут колонны,
Гремит могучее ура,
Потоком вешним под уклоны
Бежит на запад немчура.

И поднялся как мести знамя,
Как знамя боевых побед
Над красноезвездными войсками
Пробитый пулей партбилет.

Старший политрук
В. ЗОБНИН.

Комсомольцы в бою

Вожак молодежи

В решительных боях наступление немцев было остановлено. Враг перешел к обороне, но тщательно готовился к новому прыжку вперед. Фашисты упорно наводили мосты через Нару, огнем своей артиллерии пытались обнаружить и уничтожить наши огневые точки, непрерывным огнем из минометов хотели вывести из строя наших людей. Их действия были направлены к тому, чтобы сломить сопротивление и подорвать моральный дух воинов Красной Армии. Нужно было напрячь все свои силы, чтобы не дать врагу осуществить задуманные им планы.

В этот ответственный момент пример настоящего руководителя показал секретарь бюро ВЛКСМ Виктор Алексеев. Без устали Алексеев цемментировал ряды комсомольцев своей организации, мобилизовывал всех на отличное выполнение приказов командования.

Его можно было видеть везде:— и в разведке, и в боевом сохранении, в засаде со снайперской винтовкой, в окопах, читающим бойцам газеты и беседующим с ними. А своим личным примером он как бы говорил:— «Делайте все так, как делаю я, уничтожайте немецких оккупантов так, как я, защищайте свою родину так, как защищаю ее я».

На призыв товарища Сталина уничтожать врагов, стремящихся силой оружия поработить наши свободные народы,—